

Островский М

1984

КОМСОМОЛЕЦ КУБАНИ
г. Краснодар 15 АЮГ 1984

2 Комсомолец Кубани
К 80-летию со дня рождения Николая Островского

В ТРИДЦАТЫЕ годы нескончаемый поток людей шел к Николаю Островскому, автору всколыхнувшего всю страну романа «Как закалялась сталь». Всем собственными глазами хотелось увидеть победу могучего человеческого духа над плотью, узнать секреты фантастического мужества и стойкости в борьбе за жизнь на земле, зарядиться энергией созидания. И посетители Островского не ошибались в своей надежде. Уходили от него более мудрыми, более сильными, более добрыми.
Прошло пятьдесят лет с тех пор. Нет среди нас Николая Алексеевича, но не ослабевает наша потребность в общении с этим удивительным человеком. И мы удовлетворяем ее, читая и перечитывая золотой фонд советской литературы — романы «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей». Смотрим кинофильмы, спектакли, поставленные по этим произведениям. И становимся сильнее, мудрее, добрее...
Сегодня мы приглашаем вас еще на одну встречу с Николаем Алексеевичем. На символическую беседу с ним. Она составлена по опубликованным в полном собрании сочинений писателя письмам, статьям, речам. К этому наследию Н. Островского читатели обращаются реже, чем к его знаменитым романам. И, скажем прямо, многое теряют. Потому что публицистика Островского, его письма и выступления — это неисчерпаемый источник высоких чувств, глубоких мыслей, жизнерадостности, оптимизма...
Спрашивайте у Островского вместе с нами. Слушайте Островского...

той обстановке, которой я был, также холодная блокада, и камни в окна, и многое другое поважнее, и некоторое общественное, меня не касающееся лично.
Моя линия и поведение признаны правильными — партийными.
Самокритика развернулась бурным темпом. Печать ожила и стала настоящей большевистской печатью. Вскрываются пузырьки и нарывчики. Открывается целый ряд дел и делишек.
Крайкомиссией привезены материалы о моей прошлой борьбе с руководством, и кому следует придется ответить на серьезнейшие обвинения (...).
Я думаю, что не заслужу упрека, что живя здесь, в Сочи, держался: моя хата с краю — я ничего не знаю.
— Как сейчас принято говорить, Вы — коммунист, работающий в комсомоле. Какую Вы можете поставить себе оцен-

ренно, ненасытно все то, от чего отстал. Этот лозунг «итай!» является генеральным и, надо сказать, кое-кому утомительным, но факт: вновь вхожу в текущую жизнь.
Рае дано боевое задание знакомить с молодежью комсомольской: я их обрабатываю, а затем эксплуатирую самым бессовестным образом, это им и мне повезло; хотя скоро выдыхаются, — не любит бражка читать, слаба гайка на этот счет.
К юбилею (комсомола — В. Б.) мою книгу прорабатывают все ячейки и клубы Сочинского района.
Сочинская комсомолья обменяла мой старый боевой билет, и рядом со своим партийным папашей лежит маленький билет Ленинского комсомола, принадлежавший члену ВЛКСМ с 1919 г. Островскому Н. А. На нем № 8144911. А 14 с половиной лет назад мой первый билет не достигал цифры десяти тысяч. В эти дни я вновь сближаюсь непосредственно с молодежью, пришедшей нам на смену.
В прошлом году, как мне известно, Сочинский райком комсомола в 15-летнюю годовщину ВЛКСМ вызвал Шепетовскую районную организацию на социалистическое соревнование по проработке романа в среде комсомола. Сочинцы это провели полностью и обсудили роман в 30 ячейках, охватив около 1000 комсомольцев.

УПОЕНИЕ ЖИЗНЬЮ

— Здравствуйте, Николай Алексеевич! Мы говорим с Вами из августа 1984-го. В эти дни, готовясь к Вашему юбилею, хочется узнать о Вас как можно больше. Что любили и что ненавидели? О чем мечтали? Как дружили? Откуда брали силы на борьбу? С какими мыслями просыпались!

— Просыпаюсь, и первое мое ощущение — это мучительная боль скованного неподвижностью тела. Значит, несколько секунд назад был сон, в котором я, молодой, сильный, мчался, как ветер, на боевом коне навстречу восходящему солнцу... Я не открываю глаз. Это не нужно: в один миг я вспоминаю все. Восемь лет назад суровая болезнь свалила меня в постель, приковала неподвижно, потушила глаза, превратив все вокруг меня в черную ночь.

Если бы сумма этой физической боли была меньше, я бы «отшел» немного, а то иногда приходится крепко сжимать зубы, чтобы не завывать по-волчьи, протяжно, злобно.

— Вы прикованы к постели в течение долгих лет. Неужели к Вам ни разу не приходило отчаяние о безвозвратно потерянном счастье видеть, двигаться!

— У меня просто нет времени на это. Счастье многогранно. И в нашей стране темная ночь может стать ярким солнечным утром. И я глубоко счастлив. Моя личная трагедия отнесена изумительной, неповторимой радостью творчества и сознанием, что в твои руки кладут кирпичи в создаваемое нами прекрасное здание, имя которому — социализм...

...Мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям.

— У Вас были трудности, когда Вы приехали и поселились в Сочи? В середине двадцатых годов там порядочно скопилось всякого хлама, смывтого из пролетарских центров революционной волной. Человек с Вашими взглядами на жизнь, по идее, должен чувствовать себя в таком окружении, мягко говоря, неуютно. Плюс разруха, дороговизна, Ваша болезнь...

— В доме остался... буржуазский недогрызок, мой сосед. В бессильной злобе (...) не дает нам топить, и я сижу в холодной комнате: мое счастье, что стоит прекрасная погода, а то я бы замерз. Кто-то из этих бандитов бросил мне камень в окно, целился в голову, да плохо, разбилось только стекло, это уже не первая бомбардировка. Пользуясь моей беспомощностью, когда Рая уходит, начинают меня атаковать камешками!

Кругом нас здесь — остатки белых и буржуазии. Наше домоуправление... в руках врага — сын попа, бывший домовладелец.

Вечерами на большом балконе... грязные, отвратительные, как клоака, рассказы о похождениях и анекдоты. И все это актив от торгпреда до директора ж. д. Эта грязь отравляет. Я не святой — вырос в суровой жизни, грубой, но откуда это зловоние у людей, считающих себя коммунистами?

— Что же Вы делали в этой ситуации? Сейчас, в наши дни, многие сильные и здоровые люди уклоняются от столкновения с типами, портящими всем нам жизнь. Некоторые разводят руками: дескать, что я могу один! Вот Вы, Николай Алексеевич, что предприняли против жуекоммунистов с «большого балкона», против буржуазских недобитков!

— Записал эту «семейку». Буду бить ядовитым словом в «тенях» второго тома. Я и Рая, ознакомившись со всеми, организовываем рабочих и своих товарищей, живущих здесь, и требуем переизборов домоуправа. Все чуждые выбежали и все, что могли, делали против — 2 раза срывали собрание.

Загорелись страсти. Но, наконец, в 3-й раз собрались у меня в комнате все ра-

бочие и конфракция, и наше большинство голосов выбрало преддомуправления рабочую, энергичную женщину.

Меня уже здесь ненавидят все эти бывшие шахтовладельцы и прочие гады, и крепче сближаются рабочие. Далее борьба пойдет за перевод рабочих семей из подвалов в роскошные комнаты бывших панов. В исполкоме и ОМХ у нас поддержки нет никакой: какая-то бабка ворожит бывшим людям. Я тебе прямо скажу, что я начинаю борьбу уже с аппаратом и понемногу наживаю там врагов. Но, начав, я уже буду идти дальше. Ведь рабочие ребята тогда меня бараклом назовут, если я из-за того, что ожидаю от работников комнаты хорошей, не захочу их тревожить.

Теперь я хочу сказать несколько слов о моем товарище — Рае... Это моя политическая воспитанница, и мне очень радостно, что растет новый человек — она сейчас с головой ушла в работу (...). Она прибегает радостная, полная заданий и поручений, и мы оба работаем над их решением — сейчас подготовка к перевыборам горсовета, она мечется и бегаёт.

Хорошо будет, когда в горсовет вольется новая, свежая волна рабочих.

Я отнял от литучебы массу времени и отдал его молодежи. Из кустаря-одиночки стал массовиком. В моей квартире происходят заседания бюро комитетов. Я стал руководить кружком партактива, стал председателем районного совета культуростроительства, в общем, придался к практической работе партии вплотную. И стал полезным парнишкой. Правда, я сжигаю много сил, но зато стало радостней жить на свете. «Комса» вокруг. Непочатый край работы на культурном фронте. Заброшенные, с полунищим бюджетом, с хаотическим учетом, городские библиотеки возрождаются и становятся боееспособными. Создал литкружок, как могу, так и руковожу им.

— Какие результаты этих усилий, этой борьбы!

— На меня обрушился поток людей, занятых очисткой нашего аппарата от разной сволочи.

Все то, что я отсюда писал в Москву, в край и т. п., разбиралось и дополнялось в моем присутствии всей комиссией. Не подтвердилось только... одно, а все остальное раскрыто и ликвидировано. Товарищи все лично убедились в

ку за свою деятельность в качестве заместителя передовой части молодежи!

— ЦК комсомола считает меня в своем активе как хорошего комсомольца. За все время комсомольской жизни я не получал выговора за неряшливость, за невыполнение директив ЦК.

За период моей политической сознательной жизни я имею целый ряд рабочих и рабочих, вовлеченных мною в партию, к сожалею, я не имею теперь с ними связи, но все они сейчас, как я знаю, стали хорошими партийцами. Для меня всегда была радость, если я втягивал в нашу семью индивидуальной работой кого-либо из ранее оставшихся в стороне (организационно) от коммунистического движения.

Теперь, когда я болен, я большую часть своего энтузиазма... отдаю тем нескольким рабочим, меня окружавшим (в данном случае Рае), для того, чтобы имеющееся (у них) рабочее сознание повернуть и закрепить в направлении борьбы за новую жизнь, и я вижу результат этого и факт того, что в идущих впереди боях с нами будут еще один-два преданных партийца. Все это крупинки — очень мало, но большего я не имею сил делать.

Истина для меня, что раз не большевик, значит — весь человек не боец передовых целей наступающего пролетариата, а тыловой работник. Это не отношу только к фронтовикам 1917—1920 гг. Ясно? Нет 100-процентного строителя новой жизни без партбилета, железной большевистской партии Ленина, без этого жизнь тускла. Как можно жить вне партии в такой великий, невиданный период? Пусть поздно, пусть после боев, но бои еще будут. В чем же радость жизни вне ВКП(б)? Ни семья, ни любовь — ни что не дает сознания наполненной жизни. Семья — это несколько человек, любовь — это один человек, а партия — 1600 000. Жить только для семьи — это животный эгоизм, жить для одного человека — низость, жить только для себя — позор...

— Как сложились Ваши отношения с сочинскими комсомольцами!

— У меня собирается кадр молодежи, хотя пока незначительный и непостоянный, который я бежалостно эксплуатирую с точки зрения четки газет, партийных журналов и т. п. Лозунг для каждого приходящего: «Читай!». Читают до заплетения языков. Глоблю уско-

Когда я беру трубку телефона, звоню в горком, то всегда слышу в ответ: «А, Островский! Здорово, братишка! Как живешь?» Это очень хорошо. Чувствуется родная семья. Ощущаешь, что вошел в строй в полном смысле. Все это рождает новые силы.

— И в наши дни приходится сталкиваться с людьми на вид молодыми, а в душе — стариками. И все им скучно, все надоело, они не видят смысла в активной жизни и ищут облегчение своему прозябанию в опьянении, в опустошающих жемановых приключениях, в «балдеже» под рок-музыку... Что бы Вы сказали человеку, «потерявшему смысл жизни»!

— Случается, что я разговариваю с каким-нибудь слонтяем, который ноет, что ему изменила жена и жить ему не для чего, у него ничего не осталось и так далее. И тогда я думаю, что если бы у меня было то, что есть у него, — здоровые руки и ноги, возможность двигаться по необъятному миру (я редко позволяю себе мечтать об этом), то что было бы? Я, молодой, стройный, здоровый парень, мысленно одеваюсь, выхожу на балкон и вижу перед собой всю жизнь. Что было бы? Я не мог бы просто пойти, я побежал бы стремительно и неудержимо. Может быть, побежал бы в Москву рядом с поездом, схватившись за поручни вагона. В Москве пришел бы на завод и прямо в кочегарку, чтобы скорее открыть топку, понюхать запах угля, швырнуть туда добрую порцию его. О, я дал бы шесть-семь тысяч процентов выработки, я бы невероятно выжимал проценты. Я жил бы жадно, до безумия. И сколько я мог бы дать, сколько надо было выкачать из меня, прежде чем я устал бы! Выравшись из девятилетней неподвижности, я был бы беспокойнейшим человеком, меня бы сдерживали, а я бы не уходил с работы, пока не насытился ею.

Таковы мои мысли, когда какой-нибудь идиот или идиотка пускают слюни и страдают и не находят, для чего жить. Если бы мне дали все, что имеет этот слонтяй, пусть бы мне пятьдесят раз изменила жена, я был бы все-таки весел и всегда чувствовал бы, как чудесна жизнь!

У нас не талантливы только слонтяи. Они не хотят быть иными. А из ничего — ничего не рождается, под лежащий камень вода не течет. Кто не горит, тот коптит. Это — закон.

Эгоист погибает раньше всего. Он живет только в себе и для себя. И если похверкано его «я», то ему нечем жить. Перед нами ночь эгоизма, обреченности. Но когда человек живет не для себя, когда он растворяется в обществе, то его трудно убить — ведь надо убить все окружающее, убить всю страну, всю жизнь.

Когда человек страдает, раненный в сердце самым близким, все слова утешения не способны иногда смягчить боль. Я могу сказать лишь одно: я в своей жизни тоже испытал горечь измен и предательства. Но одно лишь спасало: у меня всегда была цель и оправдание жизни — это борьба за социализм. Это самая возвышенная любовь. Если же личное в человеке занимает огромное место, а общественное — крошечное, тогда разгром личной жизни — почти катастрофа. Тогда у человека встает вопрос — зачем жить? Этот вопрос никогда не станет перед бойцом. Правда, боец тоже страдает, когда его предадут близкие, но у него всегда остается больше и прекраснее неизмеримо, чем он потерял.

Публикацию подготовил Владимир БУРЛАКОВ.
[Окончание следует].